

ГОСУДАРСТВО И ПУБЛИЧНО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

Коньков А.Е.* (Россия, г. Москва)

Аннотация. В статье рассматривается роль публичной дипломатии в современной государственной политике. Акцент делается на той роли, которую публичная дипломатия играет в международных процессах, на том, где она демонстрирует большую эффективность в сравнении с традиционными технологиями политики государства. Анализируется феномен «пост-правды», характеризующий современное состояние глобального информационного пространства, который рассматривается с точки зрения широкого распространения инструментария публичной дипломатии. Формулируются основные тенденции дальнейшего соотношения стратегий государства и технологий публичной дипломатии.

В конце 2016 года Оксфордский словарь по сложившейся традиции определял слово года – новое слово или выражение, которое смогло привлечь к себе особый интерес публики. И в этот раз им было признано активно используемое в последнее время понятие «пост-правда» (post-truth) [1]. Очевидно, что такой выбор лингвистов весьма примечателен, и далеко не только с позиций языкознания. Политические реалии демонстрируют широкое инструментальное значение термина, а помещение правды в темпоральные да и в целом в какие-либо кондициональные рамки обозначает серьезную основу для переосмысления социумом своей системы координат: за что держаться, когда держаться не за что?

В самой релятивности правды, какого бы то ни было суждения, претендующего на истину, ничего нового нет – в конце концов, познаваемость мира является одной из основных проблем, волнующих мыслителей на протяжении всей истории человечества, и представления о том, что есть истина, периодически меняются. Таково свойство человеческого разума: меняются приоритеты, появляется новая информация, делаются новые открытия, которые переворачивают представления о привычных вещах, и система координат между тем, что в большей степени отражает реальность, и тем, что ее искажает, так или иначе смещается. Известные законы диалектики – единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные и в особенности закон отрицания отрицания – являются логичным обоснованием изменчивости правды со временем: вчерашняя правда отрицается сегодняшней, которая будет поставлена под сомнение завтрашней.

Явление пост-правды (в том виде, в котором мы являемся его свидетелями) вызвано к жизни не столько интересом к познанию, сколько, скорее, наоборот, незаинтересованностью в том, что есть истина (и, по сути, незаинтересованностью в проблеме познания как таковой). Оно представляет собой особую «посмодернистскую модальность» [2, с. 42] существования социума – это качество новой реальности, в которой люди себя обнаруживают и учатся жить.

Пост-правда характеризуется опорой на некие представления, которые «ощущаются, но не имеют под собой оснований» [3], – представления, построенные на чувствах и эмоциях, но отнюдь не на фактах. Это, своего рода, дом без фундамента, который к тому же не стоит на земле, а висит в воздухе. В условиях экспоненциального количественного роста информационных потоков, формирующих новую реальность, способность к восприятию, критическому осмыслению, реакции на стимулы, предлагаемые внешней средой, подвергается качественным изменениям. Имеющиеся ресурсы оказываются недостаточны для воспроизводства прежних моделей получения информации: на смену рациональному цензу приходит усталость, сопровождаемая различными формами бессознательного пассивного потребления.

---

* Коньков Александр Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пост-правда – это состояние не столько «после правды», сколько «полиправды», когда правда никого не интересует в силу ее плюралистичности, множественности, конкурентности: правды настолько много, что ею все насытились и ожидают чего-то нового. Общество свыкается с вариативностью критерия истинности, его непоследовательностью и объективной относительностью: правы все, и у каждого своя правда.

Концептуализация пост-правды, несмотря на универсальный характер перспективного приложения, в большей степени происходит в рамках мирополитического дискурса – в контексте анализа современных международных отношений, мегаполитики, где нарастает значимость различных форм информационного противостояния и глобальной конкуренции. Особую роль в выявлении парадоксов развития современного информационного пространства играет интенсивно растущая в последние годы публичная дипломатия, которая стала не только важнейшим инструментом международного взаимодействия на нынешнем этапе, но и значимым контрольным механизмом соотношения декларируемого и фактического положения вещей в мировой политике.

Состояние пост-правды – закономерная экстерналия прозрачности и непредсказуемости, которые стали привноситься в международные отношения публичной дипломатией. Последняя открыла дорогу индивидам на мегаполитический уровень, отличительной особенностью которого всегда было то, что базовым субъектом взаимодействия на нем выступало государство и его производные: «национальные государства, различные региональные объединения и коалиции, международные организации» [4, с. 58–59]. Полем деятельности индивида оставались микро-, мезо-, в крайнем случае – макрополитика, связанная с борьбой за власть в государстве.

Мегаполитика – это уровень политики, на котором соответствующие отношения всегда существовали в своем «совершенном» выражении: там не было места чувствам и эмоциям, поскольку вершили ее безличные государственные машины, имевшие возможность не отвлекаться на частные нужды и заботы отдельных индивидов – те разрешались на более низких уровнях политики. Безусловно, вопросы войны и мира всегда имели человеческое измерение, однако оно оставалось не более чем проекцией «большой политики» на жизни обывателя.

В условиях плюрализма и нарастающей самодостаточности гражданского общества его диалог с государством приобретает характер все более сложной и нелинейной коммуникации: человек претендует на равный диалог с государством, что позволяет последовательно расширять дискурс, выводя его далеко за рамки индивидуальных потребностей и забот. Свобода перемещения и глобализация общественных отношений не просто активизируют публичную дипломатию, т.е. дипломатию граждан и сообществ, но и превращают ее в важный фактор современной мировой политики, оказывающий влияние на процессы принятия государственных решений. Особую актуальность это приобретает по мере утраты государством монополии на дипломатию как международную функцию: раньше ее осуществляло только государство, сегодня ее реализация носит полисубъектный характер. Более того, сам международный дискурс представляет собой сегодня набор альтернативных повесток, далеко не все из которых являются продуктом государства (на смену вопросам войны и мира приходят величина товарооборота, разность юрисдикций экономической деятельности, образовательные рейтинги, гуманитарные связи и проч.).

Под публичной дипломатией сегодня могут пониматься разные формы международного сотрудничества – от взаимодействия общественных институтов, действующих по разные стороны государственных границ, до экспертного диалога по ключевым вопросам современности. Более того, в терминологии есть смысловые нюансы между понятиями «публичная дипломатия», «общественная дипломатия», «народная дипломатия» и некоторыми другими, однако в научном дискурсе их принято соотносить с единым англоязычным термином «public diplomacy», а потому рассматривать как взаимозаменяемые [5, с. 58].

В самом широком смысле публичная дипломатия – это система коммуникации между странами и народами вне (помимо) официальных государственных отношений, т.е. любые контакты между людьми, организациями, странами без вовлечения профессиональной дипломатии. Публичная дипломатия – это диалог гражданских обществ между собой, которая «может осуществляться непосредственно государственными ведомствами, а может – опосредованно – через НПО, СМИ, бизнес агенты, университеты с их образовательными программами» [6, с. 47].

Вопрос соотношения государства и публичной дипломатии не тривиален. Если в прежние времена именно государство выступало автором и конечным бенефициаром альтернативных форм международной коммуникации (в качестве примеров можно назвать как организации – такие как USAID, Британский совет, Институт Конфуция, – так и яркие события против/в поддержку той или иной политики – манифестации, конференции, кампании), то сегодня государство (и конкретное, и как институт) вполне может становиться объектом, если не жертвой перед лицом активности эмансипированного гражданского общества, склонного к транснациональному восприятию. Опыт государств, прошедших через «арабскую весну», равно как и подпадающих под другие региональные практики, весьма показателен: если не хочешь стать объектом непредсказуемых проявлений чужой публичной дипломатии – развивай свою, способную смягчать риски и предлагать собственную повестку.

Все больше государств берут на вооружение методологию публичной дипломатии и, если не регулируют общественное участие во внешнеполитическом процессе, то вовлекают свои возможности, формируют институциональную основу. В США с 1999 года назначается заместитель госсекретаря по публичной дипломатии и общественным связям, в Южной Корее есть специальный посол по вопросам публичной дипломатии. Многие страны как на западе, так и на востоке практикуют выделение в своих, как правило, МИДах особых направлений, структурных подразделений, отвечающих за публичную дипломатию (есть соответствующие разделы на сайтах у Финляндии, Чехии, Японии, Малайзии).

В Российской Федерации с 2008 года действует подведомственное МИД России Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) – это федеральный орган исполнительной власти, реализующий широкий спектр задач, среди которых есть и относящиеся к публичной дипломатии. Кроме того, с 2010 года в России действует Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М.Горчакова (Фонд Горчакова), который, хотя и представляет собой неправительственную организацию, однако создан по распоряжению Президента и учредителем его является именно МИД России, т.е. это пример того, что иногда принято называть ГОНГО – государством организованные негосударственные организации [7, с. 222–224] – довольно распространенная в мировой практике форма, степень влияния которой в российском общественно-политическом дискурсе пока не достаточно глубоко изучена.

Публичная дипломатия – весьма востребованное направление работы в гражданском обществе современной России. Об этом свидетельствует и постоянный рост заявок в рамках грантовых программ Фонда Горчакова, и особое направление в конкурсах на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества «Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников».

Публичная дипломатия включает в себя довольно обширные способы осуществления коммуникации, которые являются инструментами трансляции не только конкретной информации, но и влияния, мягкой власти, а потому и обретают статус стратегических ресурсов современного государства на глобальной арене. Публичная дипломатия, как и любая другая форма сегодняшней коммуникации, не сводится к какому бы то ни было ограниченному набору инструментов – она проникает во все формы имеющего значение взаимодействия. Наиболее распространенные из них, в частности, включают:

1. Межличностная коммуникация (общение между родными, друзьями, знакомыми, проживающими в разных государствах);
2. Туризм (путешествие граждан одних государств в другие, восприятие и передача культуры, ценностей, политических образцов);
3. Популярная культура (распространение образцов культуры, созданных в одних государствах, в другие: музыка, кино, кухня, гаджеты и др.);
4. Средства массовой информации (трансляция информационных материалов, созданных в одних государствах, в другие: газеты, журналы, телевидение, радио и др.);
5. Интернет, социальные сети и новые медиа (мгновенное распространение информации самими пользователями, проживающими в различных государствах мира);

6. Система образования (вузы, стажировки, образовательные программы, предусматривающие обучение для граждан других государств);
7. Молодежные и профессиональные визиты и обмен опытом (участие в воспитании элиты других государств);
8. Транснациональные корпорации и международная торговля (производство и потребление товаров и услуг, карьера и получение доходов в соответствии со стандартами, созданными в других государствах).

Сами по себе эти инструменты не отражают глубину и качество влияния, они не подтверждают и не опровергают возможности влияния государства вовне – как наличие телефона не гарантирует качественную и устойчивую связь. Однако степень развития публичной дипломатии диверсифицирует возможности государственной власти и позволяет ей, во-первых, управлять эффективностью своей мягкой силы (если или когда она имеется), а во-вторых, развивать то, что принято именовать умной силой – через оперативное задействование востребованных здесь и сейчас механизмов убеждения или принуждения.

Инструменты публичной дипломатии позволяют наблюдать действенность государства во внешней среде в наиболее выпуклом виде: они соотносят актуальные внешнеполитические приоритеты страны с ее объективными гуманитарными ресурсами. Сам публично-дипломатический дискурс как пространство гражданского диалога относительно международной проблематики постоянно расширяется: в него включаются все новые вопросы, по которым в обществе формируются взгляды и отношения. Если прежде это касалось оценочных суждений касательно актуальных мировых событий и соответствующих персоналий, то сегодня это артикулируемые ожидания, в определенных обстоятельствах способные превратиться в требования, связанные будь то с отменой визовых ограничений, таможенных и тарифных различий, обеспечением стыкуемости образовательных и профессиональных стандартов в разных частях мира.

Ярким примером действенности и самостоятельности публичной дипломатии в сравнении с дипломатией официальной являются современные российско-грузинские отношения, которые, несмотря на серьезные ограничения, связанные с отсутствием официальных дипломатических отношений между двумя странами, смогли выйти на относительно приемлемый уровень благодаря дипломатии публичной (в основе которой, безусловно, глубокие традиции взаимопроникновения культур и совместного развития), и на этом уровне у обществ обеих стран есть достаточно механизмов для взаимодействия в различных насущных вопросах.

Чаще всего общественные ожидания на мегаполитическом уровне формулируются через стремление сделать возможным у себя то, что уже возможно где-то в мире (образ жизни, порядок, стандарты и правила и др.): публичная дипломатия превращает международную политику в сообщающиеся сосуды, позволяющие через механизмы давления распределять те или иные практики по разным странам.

Возвращаясь с категории пост-правды, посредством которой пытаются описывать нынешнее состояние противоборства в информационном пространстве, имеет смысл обратить внимание на тезисы Брюса Уортона, занимающего в настоящий момент должность заместителя государственного секретаря США по вопросам публичной дипломатии, которые он изложил в ходе недавнего выступления в Стэнфордском университете в рамках семинара «Публичная дипломатия в обществе пост-правды» [8]. В качестве проблемы он выделяет то, что подразумеваемые им негосударственные и государственные игроки сегодня ориентируются на убеждение людей не в том, что именно они говорят правду, а в том, что никто ее как раз сегодня и не говорит. Тем самым подрывается доверие общества к государственным институтам, традиционным медиа и тем, кого прежде принято было считать авторитетными экспертами.

В качестве основных уроков в противодействии тому, что заместитель госсекретаря США называет ложными нарративами, он выделяет следующие:

1. Не подражать врагу,
2. Предлагать достоверный месседж, основанный на фактах и подтверждении ключевых искажений,
3. Использовать надежные, независимые, заслуживающие доверия средства коммуникации,

4. Задействовать технологии, позволяющие идентифицировать нужные целевые аудитории и наилучшие подходы к ним,
5. Привлекать аналитику, способную оценивать результативность, и корректировать на ее основе весь процесс,
6. Обеспечивать безопасность политической и административной поддержки, включая наличие необходимых сил и средств.

Уортон оговаривается, что, несмотря на основной фокус на артикулирующий («месседжевый») компонент публичной дипломатии, не стоит забывать и об остальных инструментах, играющих важнейшую роль в распространении того, что он называет правдой: образовательные и культурные обмены, молодежные инициативы, языковые программы: именно они позволяют формировать доверие со стороны ключевых целевых аудиторий.

Оценивая тенденции продолжающихся трансформаций современной глобальной политики и усложнения информационного пространства, усиления его влияния на общественное сознание, трудно четко выделять горизонты динамики инструментария современной публичной дипломатии. Очевидно, что рассматриваемый дискурс будет продолжать расширяться, становясь все более важным фактором как внешней, так и внутренней политики государства.

Публичная дипломатия будет превращаться в полноценный атрибут и ресурс гражданского общества, важный элемент публичной политики: если что-то не удастся внутри страны, люди с большей вероятностью будут склонны к апелляции к внешним игрокам, демонстрирующим признаки большей эффективности в тех или иных вопросах. В краткосрочной перспективе публичная дипломатия будет оставаться значимой составляющей глобализации таких нарастающих внутривнутриполитических трендов как антиистеблишмент, антиглобализм и популизм. Как следствие, нельзя исключать дальнейшей деградации и депрофессионализации политики, т.е. приходу во власть ярких коммуникаторов, не имеющих навыков реального управления.

Для государства, не способного активно участвовать в публичной дипломатии, многократно возрастают риски, связанные с обеспечением внешнего суверенитета. Разрушение традиционной монополии государства на международные отношения заставляет искать новые факторы конкурентоспособности, одним из которых может как раз рассматриваться качество публичной дипломатии. Через развитие соответствующих навыков государство сможет диверсифицировать властные механизмы и способность влиять на политические процессы как внутри, так и вовне себя.

Список литературы

- [1] Word of the Year 2016 is... URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (20.05.2017).
- [2] Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? – Полис. Политические исследования, 2017. №2.
- [3] Art of the lie. – The Economist, September, 9, 2016. URL: <http://www.economist.com/news/leaders/21706525-politicians-have-always-lied-does-it-matter-if-they-leave-truth-behind-entirely-art?fsrc=scn/tw/te/pe/ed/artofthelie> (21.05.2017).
- [4] Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. – М.: Аспект Пресс, 2001.
- [5] Лукин А.В. Публичная дипломатия: государственная пропаганда или общественная инициатива? // Дипломатический ежегодник – 2012. – М.: Весь мир, 2013.
- [6] Лебедева М.М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов / Международные процессы, 2015. – Т. 13. №4 (43).
- [7] Naim M. What Is a Gongo? // Global Politics in a Changing World. – Boston, New York: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2009.
- [8] Wharton B. Remarks at Workshop on “Public Diplomacy in a Post-Truth Society”. Hoover Institution, Stanford University. – Stanford, California. March 20, 2017. URL: <https://www.state.gov/r/remarks/2017/268592.htm> (23.05.2017).